

Вернувшись из Москвы, отец заявил безапелляционно:

— Мы возвращаемся в Ленинград! — И стал искать обмен.

Не знаю, совпадение это или перст судьбы, но в Киеве мы прожили ровно два года, причем день в день! 14-го сентября 1929 года приехали, а 14-го сентября 1931 года уехали!

Отец, видимо, хорошо себя чувствовал, так как смотреть квартиру поехал сам. То, что мама отпустила его одного, не поехав с ним, было большой ошибкой. Причем настолько большой, что о ней мы помнили многие годы.

В молодости, будучи присяжным поверенным, отец часто переезжал с квартиры на квартиру. Однако хлопотами по переезду занимался всегда кто-то другой. Его задачей было только определить: нравится — не нравится. Может быть оттого, что он был на все сто процентов творческим человеком, заботиться еще о ком-то кроме себя он так и не научился.

Из Ленинграда Александр Романович вернулся очень скоро, заявив, что квартира ему понравилась и он уже подписал документ об обмене. Мама поинтересовалась, будут ли они заказывать контейнер для перевоза мебели, на что отец ответил, что никакие контейнеры не нужны, так как он договорился, что каждый оставит свою мебель новому жильцу, и это избавит всех от лишних хлопот (!?)

То, что отец мог так поступить, можно еще, хотя и с трудом, как-то понять. Но мне совершенно непонятна позиция других членов семьи. Неужели нельзя было разорвать это соглашение и предотвратить этим потерю антикварной мебели? Иначе как потерей, это и не назовешь. Об остальном никто еще не догадывался...

Уезжая из Киева, отец переделал поговорку «Язык до Киева доведет» в поговорку «Язык из Киева выведет»!

СМОЛЕНСК — МОСКВА — КИЕВ — ЛЕНИНГРАД

На этот раз мы обменяли три чудесные светлые комнаты на 2 комнаты в трехкомнатной

квартире, в Ленинграде, в поселке Щемиловка за Невской заставой. Не знаю, о чем думал отец, когда приезжал смотреть квартиру. Ничего худшего для здоровья невозможно было придумать. Поселок почти вплотную прилегал к пивоваренному заводу «Вена», от которого ветром приносило неприятные запахи. Кроме того, в нескольких местах вокруг дома находились вытяжные канализационные люки завода, мимо которых невозможно было проходить рядом из-за дурного запаха.

После Киева подобный ландшафт, а главное — скверный запах, наводили на маму и бабушку смертную тоску. Не проходил и стресс от сознания убогости мебели, которую с легким сердцем выменял отец. Всего «наследства» не помню, но, почему-то врезалась в память грубая кухонная тумбочка, выкрашенная красно-коричневой краской и огромная железная кровать зеленого цвета, которая могла бы выдержать лошадь. Наверное, было и еще что-то. Помню, уже в другой квартире, письменный стол с точеными ножками, два венских кресла, венские стулья. Одним словом, благодаря отцовской бесхозяйственности, мы вновь превратились в беженцев-новоселов.

Дедушка сразу устроился (не помню кем) на пивоваренный завод. Отец тоже где-то служил. В третьей комнате жили дядя и племянник, у которого оказался туберкулез легких. Узнав об этом, мои родители стали срочно искать обмен, тем более что перемена климата сразу сказалась на моем здоровье и я стала часто болеть.

Так, прожив на Щемиловке всего четыре месяца, мы переехали, обменяв одну из наших комнат, на две комнаты в Детском Селе. Дедушка почему-то остался жить в старой квартире. Я так предполагаю, что из-за работы, тогда как бабушка опять поехала с нами.

В Детском Селе мы поселились на улице Жуковского, недалеко от вокзала, в деревянном доме, на втором этаже. Улица Жуковского была небольшая. Она уместилась между пересечением двух бульваров и железной дороги. Октябрь-